

УДК: 821.111.09-31 + 929 Акройд

ТРИ ВРЕМЕНИ ЛОНДОНА В РОМАНЕ П. АКРОЙДА «ДОМ ДОКТОРА ДИ»

И.В. Липчанская

Саратовский государственный университет
E-mail: lipcha87@gmail.com

В статье выявляются основные черты образа Лондона в романе современного британского постмодерниста П. Акройда.

Ключевые слова: Питер Акройд, постмодернизм, образ Лондона, время, пространство.

Three Time-planes of London in «The House of Doctor Dee» by Peter Ackroyd

I.V. Lipchanskaya

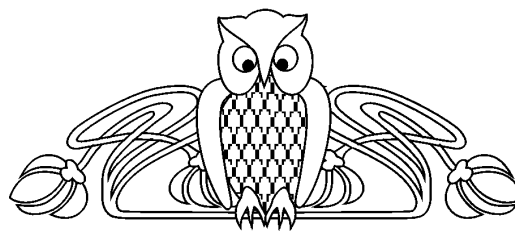
The article studies the image of London and explores its main characteristics in the novel by a contemporary British postmodernist P. Ackroyd.

Key words: Peter Ackroyd, postmodernism, image of London, time, space.

Образ Лондона – один из наиболее значимых образов в традиции английской литературы, и в современном британском романе эту традицию наиболее последовательно и интересно развивает Питер Акройд. Для Питера Акройда (род. 5 октября 1949 г.) Лондон – не только родной город, но и одна из центральных тем творчества, сквозная тема многих его романов. Один из западных критиков, Барри Льюис, так говорит о месте города в его творчестве: «Лондон является не просто местом действия в его книгах, он определяет события, разворачивающиеся сквозь повороты времени на его улицах и в пригородах»¹.

В каких бы жанрах ни выступал Акройд – а он занимается поэзией, критикой, историей – Лондону, как правило, уделяется в его произведениях особое место. Город можно назвать самостоятельным героем таких романов писателя, как «Большой лондонский пожар» (*The Great Fire of London*, 1982), «Хоуксмур» (*Hawksmoor*, 1985), «Процесс Элизабет Кри» (*The Trial of Elizabeth Cree*, 1994), «Лондонские сочинители» (*The Lambs of London*, 2004) и, конечно, «Дом доктора Ди» (*The House of Doctor Dee*, 1993). Также П. Акройд создал биографию Лондона (*London: The Biography*, 2000), ставшую настоящим бестселлером.

Роман «Дом доктора Ди» многие считают одним из лучших в творчестве Питера Акройда, отзываясь о нем как о ярком примере постмодернистской прозы². Однако монографических исследований романа нет. Нам представляется интересным рассмотреть образ Лондона в «Доме доктора Ди» с точки зрения категории художественного времени.

В романе «Дом доктора Ди» два повествовательных плана; в обоих повествование ведется от первого лица. Сюжет причудливо переплетает прошлое и настоящее. В современной линии романа 29-летний лондонец Мэтью Палмер получает в наследство от отца старинный дом в лондонском районе Кларкенуэлл и решает выяснить его историю. В ходе своего архивного расследования он узнает, что дом принадлежал знаменитому доктору Джону Ди, английскому алхимику и магу Елизаветинской эпохи. Параллельное повествование от лица доктора Ди, действие которого происходит в XVI в., рассказывает о его биографии, о великой тяге к тайному знанию. Два проекта доктора Ди определяют судьбу персонажа и сюжет книги: его попытка отыскать мистический город гигантов и его опыты по выращиванию «маленького человечка», гомункулуса. Во время спиритических сеансов, где его помощник Эдвард Келли выступает в роли медиума, Ди периодически проникает за завесу времени и вступает в контакт с современностью. В финале романа мы видим великого английского ученого на фоне пожара (горит его дом в Кларкенуэлле, подожженный изгнанным Келли). Для доктора Ди наступает момент истины, момент просветления, когда ему открывается подлинный смысл его жизни. Обе повествовательные линии сходятся в мистическом финале романа: сквозь время и пространство, сквозь материальный мир восстает прекрасное мистическое видение – духовный град, тот самый Лондон атлантов, в котором соединяются алхимик доктор Ди, его творение – гомункулус, в нынешнем своем воплощении Мэтью Палмер, и образ автора, Питера Акройда.

Каждому повествовательному плану в романе «Дом доктора Ди» соответствует свой образ Лондона. Мэтью Палмер бродит по современному Лондону, где ему открываются картины прошлого. А доктор Ди в своих исследованиях пытается раскрыть историю «волшебного града» Лондона, созданного исполинами.

Образ города – это прежде всего пространственный образ. Концепция пространства была переосмыслена с появлением теории относительности А. Эйнштейна. Из науки было исключено понятие абсолютного пространства (как и абсолютного времени). Время и пространство понимаются как основные формы существования материи, исходная субстанция, которая порождает,

обуславливает все физические свойства реального мира. Теория относительности сделала возможным представление о релятивности пространства, о множественности пространств и их асимметричности. Питер Акرويد, как и многие писатели-постмодернисты, охотно вплетает в ткань романа различные научные теории и гипотезы.

Дом в Кларкенуэлле становится местом пересечения двух исторических пластов, двух времен – современности и XVI века. И название романа позволяет судить о важности для писателя категорий художественного пространства и времени.

Питер Акرويد подчеркивает необычность образа Лондона в романе, выбирая в качестве пространства, где разворачивается действие всех повествовательных линий, один из старинных центральных районов Лондона – Кларкенуэлл. В своей книге «Лондон. Биография» Акرويد называет окрестности Кларкенуэлл-грин одним из «волшебных мест Лондона»³. Герои романа «Дом доктора Ди» также неоднократно отмечают необычность этого места. Например, Мэтью говорит: «Это место не похоже на другие центральные районы города. Здесь было одновременно и просторнее, и пустынное, точно после какого-то давнишнего вражеского набега»⁴; «Складывалось впечатление, что весь этот район существует отдельно от прочих частей города» (19).

Дом доктора Ди, теперь принадлежащий Мэтью, представляется еще более странным, чем окружающая его местность, ведь он является сердцем Кларкенуэлла. Даниэль Мур, друг героя, говорит о нем так: «По-моему, время можно представить себе в виде такой же осязаемой субстанции, как огонь или вода. Оно может менять форму. Перемещаться в пространстве. ... Ты когда-нибудь думал о том, почему окрестности твоего дома выглядят так необычно? ... Мне кажется, все время стеклось сюда, в этот дом, а снаружи ничего не осталось. Ты у себя все время собрал» (122). Таким образом, пространство дома становится своего рода воронкой, вбирающей в себя время: разные пласты времени здесь причудливо перекручены, вступая во взаимодействие друг с другом. Так же и пространство этого дома приобретает особые свойства пористости, проницаемости, что объясняет те странные события и явления, которые там случаются. Здесь с Мэтью происходят необычные вещи: он слышит странные голоса, ему мерещатся тени, он испытывает состояние измененного сознания. В этом же доме во время спиритических сеансов доктору Ди удается вызвать из небытия духов и ангелов, а также проникнуть сквозь время и увидеть Лондон XX века.

Питер Акرويد убежден, что место изначально формирует человека. Согласно его теории локальных императивов (*imperatives of place*), определенные районы и улицы Лондона притягивают к себе определенный тип жителей: представителей одной профессии или людей, придерживающихся особых взглядов и идеологий. Так,

Кларкенуэлл был всегда населен часовщиками. «На Кларкенуэлл-роуд было так много мастерских по изготовлению и ремонту часов, а в переулках, ведущих вниз, к Смитфилду и Литл-Бритн, такое множество маленьких типографий – они ли выбрали это место или само оно каким-то образом выбрало их?» (28). Часовщики, хранители времени; типографы, распространители знаний и новых идей – символика времени и познания содержится в самом пространстве района. Поэтому именно Кларкенуэлл становится в романе местом жительства великого ученого доктора Ди; именно сюда переезжает Мэтью Палмер, которого писатель наделяет особой чувствительностью к истории и прошлому.

Как в романе создается образ Лондона конца XX века? В первой повествовательной линии рассказчиком является Мэтью Палмер. По профессии он – историк. Он выполняет небольшие исторические исследования на заказ. Но в то же время Мэтью не помнит собственного детства, у него практически нет личных воспоминаний. Его исторические исследования, любовь к истории – это своеобразная попытка героя обрести себя, найти свое место в жизни, разобраться в отношениях с семьей и близкими ему людьми. История в какой-то степени заменяет Мэтью личную память. Все это накладывает отпечаток на образ Лондона, каким его видит герой и, соответственно, читатель.

Современный Лондон – это упоминание множества топографических точек, что позволяет с легкостью следить за маршрутами передвижения главного героя. Автор перечисляет улицы, станции метро, называет лондонские районы: Илинг-Бродвей, Фаррингдон, Сити и Уэст-Энд, Ноттинг-хилл-гейт, Эджуэр-роуд и Грейт-Портленд-стрит и т.д. По улицам едут машины и автобусы, герой пользуется подземкой, покупает еду в супермаркетах или ест в ресторанах, посещает учреждения – все это штрихи реалистической картины повседневной жизни обитателя мегаполиса. Мэтью скользит по этому мегаполису как призрак, испытывая необъяснимо беспокойство, провалы в памяти, раздражение. Блага современной потребительской цивилизации умиротворяют его ненадолго: «сэндвичи в герметичной упаковке, салаты в целлофане, пластиковые пакеты с молоком и апельсиновым соком так и сверкали на искусственном свете. Я был умиротворен предлагаемым мне изобилием и даже подумал, что жить в самом конце времен совсем неплохо» (19), – товарный мир его вовсе не интересует, Мэтью живет не столько в реальном физическом, сколько в собственном внутреннем, духовном мире.

Необходимо отметить то, как автор показывает нам город. Мы не видим перспективы лондонских улиц, мы не смотрим на город с высоты птичьего полета. Читатель следует направлению движения взгляда Мэтью, чье физическое тело, как правило, движется снизу вверх (поднимается на поверхность из метро, поднимается вверх

по лестницам, разного рода ступеням), и соответственно в поле его зрения попадают сначала нижние, а потом верхние «этажи» пространства: «Перед станцией “Фаррингдон” поезд вынырнул из тоннеля, и я на мгновение увидел бледное небо» (6); «И только остановившись и подняв взор от искалеченной мною дурной травы, я заметил, как необычен этот дом» (7), – замечает Мэтью, когда находит доставшийся ему в наследство дом. Так сама организация городского пространства задает важнейший символический мотив романа – мотив восхождения, восхождения к знанию, истине и идеалу.

Неудивительно, что, историк по профессии, в современном ему Лондоне Мэтью уделяет особое внимание следам прошлого. Он замечает памятники прошлых событий, ставшие достопримечательностями различных районов города: колодец клириков, колонну, напоминающую о резне 1780 г., уцелевшие следы фундамента аббатства тамплиеров и т.д.

Мэтью Палмер рассказывает о тех местах, куда он любит возвращаться. Для него они имеют особое значение, которое подсказывает сам дух этих мест. Эти места несут на себе отпечаток истории или странным образом выделяются среди окружения. Так, Мэтью посещает Хокстонскую лечебницу для умалишенных, куда Чарльз Лэм привозил свою сестру Мэри. Самое любимое пристанище героя – Фаунтин-Корт. «Было одно чудесное место, где меня всегда ожидал покой: я опять и опять возвращался на Фаунтин-Корт в Темпле – там, рядом с маленьким круглым прудиком, под вязом, стояла деревянная скамейка. Ощущение покоя здесь, в центре города, было настолько глубоким, что казалось мне порожденным каким-то важным событием минувших дней» (65).

Каждый обитатель большого города живет в окружении следов прошлого, но увидеть историю может не каждый и не всегда. Только ночной Лондон раскрывает герою свою истинную природу: «бывают случаи, когда я иду по сегодняшнему Лондону и узнаю в нем то, что он есть: город другого исторического периода со всеми его таинственными условностями и ограничениями» (61), – говорит Мэтью. Так сквозь настоящее современного города в романе постоянно проступают разные этапы его истории. Город превращается в палимпсест: из-под каждого временного слоя проглядывает еще более древний слой.

Дом в Кларкенуэлле становится воплощением этого палимпсеста. Мэтью с трудом удается определить даже возраст унаследованного им дома: «С улицы мне показалось, что это постройка девятнадцатого века, но теперь я понял, что его нельзя отнести к какому-нибудь определенному периоду. Дверь и веерообразное окно над ней наводили на мысль о середине восемнадцатого столетия, но желтый кирпич и грубоватые лепные украшения третьего этажа явно были викторианскими; чем выше дом становился, тем моложе. Но

больше всего заинтересовал меня первый этаж. Эта часть дома не имела кирпичной облицовки; ее стены, сложенные из огромных камней, были, по-видимому, еще старше, чем дверь восемнадцатого века» (7).

Дом в Кларкенуэлле необычен не только снаружи, но и внутри. «В самой атмосфере этого дома было что-то, требующее порядка» (20). Мэтью замечает, что посуда, оставленная им в раковине, оказывается чистой, да и сам герой, подпаив под влияние дома, раскладывает вещи с особой тщательностью. Идеальный порядок внутри дома контрастирует с хаосом внешнего мира, хаосом большого города.

Необычным оказывается свет в городе, как естественный, так и искусственный. Каждый из районов Лондона обладает своим характером, и дневной свет в Лондоне подчеркивает эту особенность: «... свет в городе меняется: жемчужный на западе, мрачный на юге, рассеянный на севере, яркий на востоке – а здесь, поблизости от центра, все вокруг было словно подернуто туманом» (6). Туман над Кларкенуэллом среди бела дня, когда все соседние районы залиты ярким солнечным светом, символизирует таинственность этой древней части города.

Улицы ночного Лондона сверкают неоновыми лампами и подсветками, почти как днем, но электрический свет в старинном доме в Кларкенуэлле не в силах сделать его частью современности. Электрическая лампочка ощущается Мэтью как вещь, совершенно инородная дому: «я включил электрический свет, надеясь, что он рассеет мои мутные тревоги, но лампочка оказалась слишком яркой: эту комнату строили, наверно, в начале девятнадцатого века, и современное освещение для нее не годилось» (18). Даже звуки города меняются, доносясь до этого зачарованного дома: «все естественные звуки стали казаться в этих местах нереальными и фальшивыми, а искусственные шумы – самыми что ни на есть натуральными» (72). Чем дольше Мэтью живет в доме, некогда принадлежавшем доктору Ди, тем более призрачным становится в романе образ современного мегаполиса: сначала слегка искажается, что можно списать на особенности восприятия странного героя, а потом палимпсест оживает, и прошлое Лондона становится равноправным с его настоящим; постепенно Лондон настоящего сливается с Лондоном прошлого, который воскресает в повествовании от лица доктора Ди.

У заглавного героя романа существует реальный прототип. Фигура Джона Ди (1527–1608/9) вот уже несколько веков привлекает к себе внимание ученых и писателей. Вокруг его личности ведутся жаркие споры: его обвиняют в занятиях черной магией и колдовством и одновременно называют великим ученым периода становления современной науки, когда равно уважаемыми отраслями знания были алхимия и математика, астрология и механика, медицина и география.

Джон Ди оставил свой след во всех этих науках, его наследие сегодня активно изучают историки науки, историки идей. Как заявляет Уильям Шерман, доктор Ди и по сей день является одной из самых интересных и загадочных фигур эпохи английского Возрождения. По его данным, в период с 1950 г. появились 3 монографии, защищено 4 докторских диссертации и написано несметное число эссе, посвященных жизни и работе ученого⁵. Доктор Ди многократно становился героем литературных произведений, например, романа Густава Майринка «Ангел западного окна», тетралогии Джона Краули «Египет»; он упоминается в романе Умберто Эко «Маятник Фуко». В романе П. Акройда доктор Ди как ученый занимается астрологией и историей, а также изучает алхимию.

Акройд сознательно меняет место жительства главного героя – исторический доктор Ди жил в Мортлейке, пригороде Лондона. Писатель следует собственной мифологии города, переселяя елизаветинского ученого и мага из пригорода практически в самый центр старого Лондона, в Кларкенуэлл, что подчеркивает статус доктора Ди как одного из лондонских визионеров (London visionaries). Этот район города, исторически связанный с разного рода радикальными и революционными движениями, как никакой другой подходит для мистических экспериментов ученого.

Каков же в романе Лондон, в котором с супругой и своим медиумом Эдвардом Келли обитает доктор Ди? Лондон XVI в. был одним из самых крупных городов мира. В своем романе Акройд показывает безудержный рост города, начавшийся в период Нового времени. «Прежде здесь охотились на лис; в те годы Маллоу-филд и Банхилфилд оглашались звуками рога и победными кличами верховых, затравивших зверя, однако ныне все это прочно забыто и там, где в былую пору зеленели ровные лужайки, воздвигнуты многочисленные здания. ...Колд-лейн, которая совсем недавно была лишь грязной дорогой, ведущей в поля, ныне по обе стороны застроена маленькими домиками» (36). Город разрастается, захватывая все новые и новые территории.

Доктор Ди в силу природы своих занятий не чувствует себя на улицах Лондона в безопасности. Ученый не понаслышке знаком с темными сторонами столицы: «Я знаю районы Портсоукен и Даунгейт, где столь часты убийства; Лангборн и Биллинггейт, где вам при нужде подделают документы и окажут так называемые куртуазные услуги; Кэндлвик-стрит и Уолброк, печально прославившиеся своими самоубийствами; Винтри и Кордуэйнер, где случаются преступления, о коих лучше не упоминать» (92). Находиться на улицах города в одиночестве небезопасно, так как они кишат карманниками и ворами. Но и искать компании доктор Ди не желает, ему неприятны насмешки и издевки так называемых представителей привилегированных кругов. Когда он передвигается по городу в дневное время, общается с

аристократами, в облике города на первый план выходят звуковые образы. Лондон предстает перед нами как коммерческая столица, где кипит бойкая торговля. Город полон жизни, на узких улочках царят шум и суета: «Здесь и так стоял невероятный шум – мимо тащили бочки, повозки и лестницы, а лошадей и быков то и дело потчевали кнутом, – усугублявшийся вдобавок криками бакалейщиков и кузнецов, торговцев тканями и скобяным товаром, чьи сердитые возгласы мешались с общим гамом прохожего и проезжего люда» (46). Так Акройд дает нам возможность не только увидеть Лондон, но и услышать его голос.

Город растет и развивается. Однако передвигаться по нему довольно трудно. Городские улочки кажутся узкими и труднопроходимыми из-за той массы людей, которая заполняет их с восходом солнца. Создается ощущение сильной перенаселенности столицы. Торговцы и ремесленники заполнили не только центральные, но и весьма отдаленные районы города: «движение ныне чрезвычайно затруднено скамьями сапожников, лотками торговцев снедью и штопальщицами чулок, которые выставляют на обозрение свои трухлявые вывески, точно находясь в центре города» (35). Доктор Ди говорит: «Я знаю, где раздобыть перчатки или очки, мольберт живописца или гребень цирюльника, медную трубу или ночной горшок. Я знаю самые людные места... Я знаю продавцов одежды с Лондонского моста и ювелиров с Чипсайда, зеленщиков с Баклерсбери и торговцев тканями с Уоппинг-стрит, чулочников с Кордуэйнер-стрит и башмачников с Лондонского вала, скорняков с Уолброка и держателей скобяных лавок с Олд-Джуэри» (93). Лондон доктора Ди – это город торговцев и ремесленников. Именно торговля составляет истинную жизнь города.

В этом враждебном урбанистическом окружении единственным спасительным для героя местом оказывается дом в Кларкенуэлле. Это «весьма здоровое место» (94), как описывает его доктор Ди, становится тихим пристанищем, где он может обрести покой. Дом достаточно стар, просторен, в нем много закоулков, комнатушек и коридоров, в которых можно заблудиться. За долгие годы доктору Ди удалось достичь определенного социального статуса и обеспечить себя и свою семью стабильным доходом и состоянием. «Когда я был отроком, мы спали на соломенных тюфяках, подложив в изголовье чурку; ныне же мы отдыхаем на подушках и едим на олове, тогда как прежде с нас было довольно и глины» (110), – замечает герой. Интерьер и убранство в доме ученого оказываются искусными и богатыми, даже роскошными, что поражает посетителей (весьма немногочисленных). Сердцем дома, местом, где ученый проводит больше всего времени, является его кабинет, расположенный на верхнем этаже. Здесь, как и во всем жилище, царит идеальный порядок. «Мало что в этом доме, да и во всем государстве, может сравниться с моим кабинетом»,

– не без оттенка тщеславия заявляет доктор Ди. Здесь хранится все необходимое для исследований и таинственных экспериментов ученого: глобусы, песочные часы, многочисленные колбы и реторты, уникальные карты. В кабинете находится и предмет истинной гордости елизаветинского мага – книги: «Моя коллекция составлена из бриллиантов, кои я нашел в разных уголках страны, так что у меня в кабинете лежит толика сокровищ британской древности, вечных свидетельств ее неувядаемой славы, остатки некогда удивительно обширного корпуса великих трудов наших предков» (99). Библиотека исторического Джона Ди была самым большим и полным собранием в Англии в эпоху начала Нового времени. Можно сказать, что дом в Кларкенуэлле – это небольшая вселенная, расположенная почти в центре Лондона, в сердце которой оказывается кабинет ученого.

Что общего между двумя городами, между современным Лондоном и Лондоном прошлого, как именно они сближаются в романе?

Благодаря помощи Эдварда Келли, исполняющего роль медиума во время спиритических сеансов, доктору Ди удается проникнуть сквозь завесу времени и вступить в контакт с жителями современного Лондона. Необходимо еще раз отметить, что пространство города в романе остается неизменным, так что доктор Ди и Келли даже узнают улицы, по которым идут Мэтью и Даниэль Мур. Также доктор Ди во время своих путешествий по Лондону оказывается в местах, которые стали достопримечательностями современности (например, колодец клириков, старинное аббатство). Так два города соприкасаются на уровне сюжета.

Два образа и, шире, две исторических эпохи переплетаются, оказываясь неразделимыми, и каждая эпоха все больше утрачивает свое подлинное историческое лицо. Два повествовательных пласта в образе Лондона сближаются благодаря авторскому использованию сквозных мотивов в образе города: мотивов одиночества прохожего в толпе, пожара, города-тюрьмы, а также приема одушевления города.

Начиная с древнейших времен Лондон безудержно разрастался, превращаясь в известный нам современный мегаполис. Его улицы всегда были наполнены людьми. Лондонская толпа – это своеобразная достопримечательность британской столицы. По городу «снуют такие орды мужчин, женщин и детей, что кажется, будто ты угодил в чрево Левиафана» (92). В этой толпе оба героя-повествователя ощущают себя изолированными одиночками. Оказываясь в толпе, Мэтью Палмер словно теряет себя: «по пути к старому центру города я начинаю сильнее чувствовать свою обезличенность. Даже пассажиры меняют облик, ... растет общая угнетенность, а иногда и подспудный страх» (5). Доктор Ди тоже ощущает свое одиночество среди бурлящей уличной жизни. На улицах города его постоянно сопровождает страх за свое имущество и собственную жизнь.

Особую роль в истории Лондона играет огонь. Достаточно вспомнить Великий пожар 1666 г., полностью уничтоживший некоторые районы средневековой столицы. Память о пожарах и пепелищах настолько сильна, настолько крепко закреплена в самой природе города, что ее можно буквально прочувствовать. Так, Мэтью, впервые оказавшись в Кларкенуэлле, замечает: «Я почти ощущал на языке привкус гари» (6). Огонь – это воплощение самой жизни. «Мне памятен тот день, когда я впервые начал понимать Лондон. Небо ... было затянуто облаками, но вдруг из них открылась брешь и вырвавшийся оттуда солнечный луч упал на металлический поручень передо мной. Я чувствовал, что меня посвятили в какую-то тайну – что я краем глаза увидел ту внутреннюю жизнь и реальность, которая скрывается во всех вещах. Я подумал о ней, как о мире огня; поворачивая на Тайберн-Уэй, я верил, что смогу найти его следы повсюду. Но огонь был и во мне самом» (64). И даже огонь разрушающий несет в себе некое обновление, новую жизнь. Так происходит с доктором Ди. Его дом погибает от пожара, его бесценная библиотека уничтожена. Но ученому в этот момент открывается истинный смысл его существования.

Кроме того, созданию впечатления цельности образа способствует авторское одушевление города в повествовании.

В своей знаменитой книге «Лондон. Биография» Акройд называет город живым существом, «переулки города подобны капиллярам, парки его – легким»⁶. В романе «Дом доктора Ди» писатель делает одушевленным не только город, но и отдельные здания, например, дом в Кларкенуэлле. Мэтью так описывает его: дом напоминает «торс человека, который приподнялся, опираясь на руки. Когда я шагнул на ступеньки, у меня возникло ощущение, будто я собираюсь войти в человеческое тело» (8).

Но город, который живет сам по себе, поддерживает себя за счет жизней своих обитателей. Ему свойственны «ненасытность и плотоядность»: «он охоч до людей, жратвы, товаров и питья»⁷. Поэтому Лондон и смерть можно назвать вечными спутниками. Описывая прилегающий к дому район, Мэтью замечает: «Совсем рядом с домом пролегал Фаррингдон-роуд, а чуть поодаль находился небольшой застроенный участок; однако здесь царил мертвая тишина» (8). Сила города велика, он словно подавляет человека, вытягивая из него живительные силы: «Были случаи, когда я бродил по этому району до изнеможения, теряя ориентацию и способность думать. Я хотел, чтобы Старый город похоронил меня в себе, чтобы он стиснул меня и задушил» (65). «...по мере того, как он разрастался во всех направлениях, его обитатели становились все более пассивными и покорными; гигантский Лондон с помощью какой-то магии высосал из них душу. ... Город был залит светом, ибо он праздновал свой триумф.

Он научился расти, вбирая в себя энергию своих обитателей и отнимая у них силы» (72).

Лондон поглощает человека и, поймав его однажды в свои сети, уже не отпускает. Поэтому город превращается в тюрьму для своих обитателей. И гравюры Пиранези, изображающие мрачные каменные руины, которые рассматривает Мэтью, – лучшая иллюстрация для подобного образа: «Я сразу узнал этот мир; я понял, что это и есть мой город» (66), – замечает герой.

Сближаясь по мере развития повествования за счет отмеченных выше повествовательных приемов, два времени Лондона готовят появление третьего временного пласта в образе города. Перед читателями возникает мистический Лондон финала.

Подлинным временем Лондона оказывается вечность. Лондон вбирает в себя все время, всю свою бесконечную историю. На страницах романа «Дом доктора Ди» город неоднократно называется вечным: «Здесь и ныне все так же, как было прежде и будет всегда, ибо град сей, питаемый божественными эманациями и земными соками, не может ни исчухнуть, ни умереть» (92).

Знакомство читателя с Лондоном в романе начинается под землей, в метро. И это тоже знаменательно. В подземельях и подвалах мегаполиса издавна существует свой мир, своя жизнь. «Город этот в действительности подземный, вечный город для тех, кого поймало в свою ловушку время» (68).

Под землей находится и Лондон, который разыскивает доктор Ди, «истинный», или мистический Лондон, город гигантов, основанный потомками атлантов. «... в далекую допотопную пору здесь высился искомый нами дивный град, прекраснейшее из украшений земного лика!.. Ныне под нами покоятся останки древнего Лондона, однако они не утратили своей силы» (243). Этот мистический Лондон подробно возникает в двух ключевых главах романа – «Город» и «Мечта».

В главе «Город» описывается сон доктора Ди, последнее видение ученого, – своеобразная квинт-эссенция Лондона, где автор собрал воедино все темные черты образа города. Этот город-видение олицетворяет собой саму жизнь доктора Ди, который в погоне за знанием и славой истребляет в себе все человеческое, в первую очередь любовь. Поэтому и Лондон в этом сне оказывается миром «без любви» (294).

Этот город, плод воображения доктора Ди, все же кажется абсолютно реальным из-за той точности и подробности, с которой Акرويد воссоздает его улицы, их имена, архитектуру и атмосферу. Свет в этом Лондоне настолько призрачен, рассеян, что его скорее можно назвать постоянным мраком. «Это был город тьмы» (300). Здесь всегда царит холод и смрад.

Лондонская толпа, столь многолика и разнообразна, – еще одно отражение сущности этого страшного мира. Доктор Ди, в видении которого явился этот Лондон, видит людей, бредущих по

улицам города: «Каждый из них держал в руке зажженную восковую свечу и вздыхал так, точно грудь его вот-вот разорвется. Они словно меряли шагами темницу ночи – ночи, что была колыбелью тревог, матерью отчаяния и дочерью самого ада. Они как будто были взлелеяны в утробе скорбей и теперь, извергнутые в эти мутные и грязные туманы, стали всего лишь призраками или бесплотными тенями, кои нельзя увидеть при дневном свете. И вместе с тем здесь было разлито невыносимое зловоние...» (295). Здесь мы снова видим образ города-тюрьмы, слышим его голос, нам снова видится смерть, нависшая над ним и его жителями. «За шумом и гамом ничего нельзя было разобрать, да и в самом шуме я не понимал ни единого слова, точно его производили не человеческие уста. Вокруг нас бурлил уже не Бедлам, а сущий ад, где царят лишь мрак и разобщение душ» (299).

Даже здесь, в этом призрачном мире, город продолжает расти: «Град наш – воистину вселенский, и он расплзается подобно черным тучам» (299). Но Лондон продолжает пожирать страшную дань, забирая жизни своих обитателей. Так, доктор Ди наблюдает свою собственную казнь, а затем видит свой труп в королевском дворце. Лондон жесток. «...но когда я смотрел на сей план города, оседлавшего реку, он показался мне изображением мужчины, вскочившего на женщину и свирепеющего над ней» (296), – думает доктор Ди. Город вселяет страх и ужас. «Здесь город видится лабиринтом улиц-коридоров, хранящим страшные тайны, где человек вынужден метаться в поисках единственного убежища – дома не общего, но личного»⁸.

В финале романа, в главе «Мечта», три образа Лондона окончательно сливаются воедино и переплетаются настолько тесно, что разделить их уже невозможно. Перед нами возникает новый Лондон – прекрасный древний город, созданный исполинами и уцелевший в воображении писателя. Ведь как говорится на страницах романа, «воображение есть духовное тело, и оно бессмертно» (394), а значит вечно.

Лондон-видение, впервые открывшийся доктору Ди, находится под землей, куда ученый попадает, спустившись по древним ступеням. Но это вовсе не темное подземелье, а «порождение какого-то нового неба или новой земли» (389). Огонь, уничтоживший дом в Кларкенуэлле, здесь, в этом вечном «духовном граде», несет с собой умиротворение, новую жизнь: «... теперь город как бы воспарил в сиянии этого вечно сущего огня» (389). Время, движение истории утрачивают свою значимость, уступая место мистическому Лондону, который существует вне времени, на улицах которого мы снова встречаем всех героев: доктора Ди, его покойного учителя Фердинанда Гриффена, умерших жену и отца ученого, Дэниэла Мура и Мэтью Палмера и т.д. И, нарушая все литературные конвенции, на мостовую этого

города-мечты ступает сам автор, Питер Акройд, чтобы отправиться на прогулку с доктором Ди.

Таким образом, в романе «Дом доктора Ди» Лондон живет одновременно в трех временных пластах. Современный Лондон представляется нам через посредство Мэтью Палмера, для которого история и прошлое играют большую роль, чем реальность современности. Образ Лондона настоящего превращается в палимпсест – всюду мы видим следы и приметы прошлого. А Лондон елизаветинской эпохи – это город карманников и торговцев, безудержно разрастающийся, голос которого – крики лоточников и говор нищих – нам удается услышать благодаря стилизаторскому мастерству Акройда.

Два образа постепенно сближаются в повествовании. Мотивы огня и пожара, одиночества человека в лондонской толпе, представление о городе как о тюрьме, заключающей героев, а также образ Лондона как одушевленного, человеческого существа объединяют современность и XVI век. Грани между настоящим и прошлым стираются, предваряя появление третьего образа столицы.

В финале романа в образе Лондона возникает третий временной пласт. На страницах книги читатель сначала видит город темный и жестокий, сконцентрированный в главе «Город». И, наконец,

в главе «Мечта» перед нами встает прекрасный город исполинов, мистическое видение истинного Лондона Питера Акройда.

Примечания

- ¹ Lewis B. My Words Echo Thus: Possessing the Past in Peter Ackroyd. Columbia, 2007. P. 181.
- ² См.: Rennison N. Contemporary British Novelists. L., NY: 2005; Linda Proud. The House of Doctor Dee by Peter Ackroyd [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.historicalnovels.info/House-of-Doctor-Dee.html> (дата обращения: 17.09.2009).
- ³ Акройд П. Лондон. Биография. М., 2007. С. 527.
- ⁴ Акройд П. Дом доктора Ди. М., 2000. С. 6. Здесь и далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.
- ⁵ См.: Sherman W.H. John Dee: The Politics of Reading and Writing in the English Renaissance. Massachusetts, 1995. P. xi.
- ⁶ Акройд П. Лондон. Биография. С. 21.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Шубина А.В. Образ ребенка и организация пространства постмодернистского текста Питера Акройда // Вестн. Помор. ун-та. 2009. Сер. Гуманитарные и социальные науки. № 5. С. 104.